

Факторы оформления субъекта при номинализации в марийском и коми-зырянском языках

0. Введение

При исследовании синтаксических свойств номинализаций¹ авторы обычно рассматривают, как оформляются ядерные актанты номинализованного предиката (см., напр., Comrie 1976, Comrie, Thompson 1985, Koptjevskaja-Tamm 1993). Довольно часто номинализации допускают несколько стратегий оформления актантов: например, в русском языке субъект при отглагольных именах может оформляться родительным (*пение птиц*) или творительным падежом (*исполнение арии Шаляпиным*) и т.д. Встает вопрос, каковы факторы, определяющие выбор стратегии оформления в таком случае. Этот вопрос затрагивается в некоторых исследованиях, однако в целом практически не получает освещения. В настоящей работе делается попытка дать ответ на данный вопрос относительно конструкций с номинализациями в двух финно-угорских языках: марийском (суржанский диалект) и коми-зырянском (печорский диалект).

Номинализациями называют конструкции, в которых предикация занимает синтаксическую позицию именной группы (далее: ИГ) и оформляется грамматическими показателями имени. В финно-угорских языках такие конструкции образуют причастия. Рассмотрим пример с марийским пассивным причастием на *-m*:

Марийский

- (1) a. məj [jəvan-ən kuze maska-m pušt-m-əž-əm] už-ən-am.
я Иван-GEN как медведь-ACC убить-NZR-POSS.3SG-ACC видеть-PST-1SG

Я видел, как Иван убил медведя.

В данном примере валентность стимула при глаголе *užāš* 'видеть' заполняет ситуация 'Иван убил медведя'. Синтаксически (1a) представляет собой номинализацию данной предикации; номинализованный предикат оформляется аккузативом, согласно модели управления глагола *užāš*. Т.е. форма на *-m* является актантом главного глагола и оформляется падежным показателем. Аналогичным образом, данная форма может выступать при послелогох для выражения обстоятельственных значений, ср.:

- b. [ejer-əm kəlm-əkt-əme] deč vara me kon'ki dene košt-ən-na.
река-ACC замерзнуть-CAUS-NZR после мы коньки с ходить-PST-1PL

После того, как речку заморозило, мы катались на коньках.

В (a) и (b) причастие на *-m* занимает синтаксическую позицию ИГ: в (a) — актантную позицию, в (b) — сирконстантную, т.е. функционирует, как номинализация «в узком смысле». Кроме того, форма на *-m* может также выступать в контекстах, характерных для пассивного причастия, т.е. в функции определения при ИГ, ср.:

- c. [kova-m-ən ojl-əmo] mut-šo
бабушка-POSS.1SG-GEN говорить-NZR слово-POSS3SG

история, рассказанная моей бабушкой

Оговоримся, что в настоящей работе мы рассматриваем только конструкции типа (1a) и (1b)². Так как мы не рассматриваем форму на *-m* в контекстах, характерных для причастий (1c), будем называть данную форму номинализацией и глоссировать ее, как NZR.

¹ Уточним, что в настоящей работе идет речь о номинализациях «в узком смысле», т.е. об отглагольных формах, обозначающих ситуацию (ср. *Организация этих семинаров отнимает много времени и усилий*), а не ее актанты (*разрешите поблагодарить учреждения, организации, которые помогли нам в работе*).

² По некоторым данным, оформление субъекта в относительном обороте (1c) регулируется другими правилами; в частности, в коми субъект в относительном обороте может оформляться инструментальным падежом.

Конструкция с номинализацией в марийском языке выглядит следующим образом: субъект номинализованного предиката оформляется генитивом, прямое дополнение и остальные актанты сохраняют исходное оформление (см. аккумулятив на прямом дополнении в (1a)). Довольно употребительна и другая стратегия кодирования актантов: субъект оформляется номинативом, все остальные актанты сохраняют исходное оформление:

(2) nu [joča-vlak šagalem-mə-lan] köra məje azanovo
 ну ребенок-PL уменьшаться-NZR-DAT потому.что я Азаново
 škol-əško perevoditl-alt-əm.
 школа-в переводить-DETR-PST.1SG

Из-за уменьшения количества детей я перевелась в Азановскую школу.

Какие факторы регулируют выбор генитива/номинатива в (1b) и (2)? В работах, посвященных синтаксису марийского языка, упоминаются следующие факторы: переходность/непереходность номинализованного предиката (Kangasmaa-Minn 1970) и – для литературного языка – порядок слов в номинализации и наличие сочинительной конструкции (Тужаров 1986). Однако, как отмечают авторы, данные факторы не вполне определяют выбор оформления, ср., напр.: “Das genitivische Agens kommt ebensogut bei den Nominalformen von transitiven Verben in Frage wie bei denen von intransitiven”³ (Kangasmaa-Minn 1970: 126).

Грамматики коми приводят примеры с генитивом/номинативом в номинализации в том же разделе, что и примеры с генитивом/номинативом в ИГ. Распределение данных падежей в ИГ объясняется следующим образом: «при употреблении конструкции с именительным определением говорящий желает обратить внимание не на слово, выражающее принадлежность, а на определяемое им слово; при употреблении же формы родительного падежа внимание обращается более на слово, стоящее в форме этого падежа» (СКЯ 1955: 140-141).

В целом, можно сделать вывод, что для оформления субъекта оказываются релевантны референциальные (марийский) или коммуникативные свойства (коми) субъекта номинализации и переходность номинализованного глагола (марийский). Такой набор определяющих факторов, очевидно, вызывает ряд вопросов и требует уточнения. Цель настоящей работы – выявить факторы, определяющие выбор оформления субъекта, и оценить их релевантность для марийского и коми.

Материал исследования получен в ходе лингвистических экспедиций в суржанский диалект лугово-восточного варианта марийского языка, с. Старый Торъял Новоторъяльского р-на, и в печорский диалект коми-зырянского языка, с. Еремеево Троицко-Печорского р-на (экспедиции МГУ 2000—2004 гг. под руководством А. И. Кузнецовой, Е. Ю. Калининой и С. Ю. Толдовой). Далее мы не будем специально оговаривать, что речь идет о соответствующем диалекте; говоря о марийском или о коми, мы будем иметь в виду не литературный язык, а данные, полученные в экспедициях.

1. Номинализации в марийском и коми-зырянском языке: синтаксис и семантика

В языках мира распространены конструкции, называемые номинализациями — так называют предикацию, которая оформляется, как именная группа, например, присоединяет показатели падежа, предлоги/послелогои, артикли и т.п. Обычно такие конструкции, с одной стороны, демонстрируют синтаксические свойства независимого предложения, с другой стороны — синтаксические свойства ИГ. Например, в следующем примере из арабского языка субъект номинализации оформляется генитивом, так же, как зависимое в ИГ, а прямое дополнение — аккумулятивом, так же, как в независимом предложении:

Арабский

³ Субъект в генитиве так же часто выступает при переходных глаголах, как и при непереходных.

- (3) qatl-u zayd-in muhammad-an
 убийство-NOM Заид-GEN Мухаммед-ACC
 убийство Заидом Мухаммеда (Comrie 1976: 195)

Т.е. субъект номинализации получает оформление по модели ИГ, а прямое дополнение номинализованного предиката — по модели независимого предложения. Такая стратегия оформления широко распространена в языках мира (см. Kortjevskaja-Tamm 1993). В марийском и коми чаще всего выбирается именно такая стратегия кодирования:

- Коми-зырянский
 (4) me aʒ'ivl-i [vok-liš' čoj-əs nōjt-əm].
 я видеть-PST брат-GEN² сестра-ACC побить-NZR

Я видел, как брат сестру побил.

Как и в арабском примере (3), в (4) субъект оформляется генитивом, прямое дополнение — аккузативом (см. (1b) из марийского). Менее частотны конструкции, где субъект оформляется номинативом:

- (5) me kill-i [kolipkaj š'ıl-əm].
 я слышать-PST соловей петь-NZR

Я услышал пение соловья.

Ср. тж. (2) из марийского. В марийском языке действует следующая закономерность: если субъект выступает в генитиве, номинализованный предикат обычно оформляется притяжательным показателем (1b), который согласуется по лицу и числу с субъектом. Если же субъект в номинативе, притяжательный показатель обычно отсутствует (2). В коми в принципе предпочтительно опущение притяжательного показателя (ср. (3) и (4)), однако при субъекте в генитиве он допускается:

- (6) menim o-z kažitčə [maša-lən bīd lun jəkt-əm-is].
 я.DAT NEG-3 нравиться-PRS Маша-GEN¹ каждый день танцевать-NZR-POSS.3

Мне не нравится, что Маша каждый день танцует [на дискотеке].

Как показано в (Kortjevskaja-Tamm 1993), ситуация, когда номинализации допускают более одной стратегии кодирования актантов, – нередкое явление в языках мира. При этом выбор между данными стратегиями может регулироваться как синтаксическими (напр., синтаксическая позиция зависимой предикации в кечуа, см. Kortjevskaja-Tamm 1993: 199), так и семантическими факторами: одушевленность, референциальный статус субъекта номинализации, семантика зависимой предикации. Согласно (Dixon 1995), семантика зависимой предикации определяет выбор стратегии оформления актантов в английском языке:

- (7) *I didn't like [Mary's singing of...]*

Мне не понравилось пение Мэри...

- (8) *I didn't like [Mary('s) singing "The Lord is my shepherd" in that bar].*

(Dixon 1995: 182)

Мне не понравилось, что Мэри спела гимн "The Lord is my shepherd" в том баре.

В первом случае зависимая предикация имеет семантику образа действия, в отличие от второго, где говорящему не нравится сам факт исполнения гимна в баре. Соответственно, в (7) прямое дополнение и субъект номинализации оформляются по именной стратегии; в (8) прямое дополнение кодируется так же, как в независимом предложении, а субъект может выступить без показателя генитива.

⁴ В ИГ коми функционируют два показателя: «генитив 1» на *-lən* и «генитив 2» на *-liš'*. Данные показатели находятся в отношении дополнительного распределения: если ИГ занимает позицию прямого дополнения, посессор оформляется генитивом 2 на *-liš'*; в остальных случаях – генитивом 1 на *-lən*. (Исследователи коми языка используют термины «родительный падеж» или «адэссив» для генитива 1, а для генитива 2 – «притяжательный падеж», или «аблатив», см. (Бубрих 1949: 28). Для краткости будем называть их «генитив 1» и «генитив 2».)

Какие факторы регулируют выбор генитива/номинатива для оформления субъекта номинализации в марийском и в коми-зырянском? Ответ на данный вопрос определяет задачи настоящей работы. В последующих разделах мы рассмотрим различные факторы и попытаемся определить степень их релевантности для выбора оформления субъекта.

2. Актантная структура номинализованного предиката

Как уже говорилось выше, номинализации способны в некоторой степени проявлять синтаксические свойства ИГ. В частности, ядерные актанты номинализованного предиката могут кодироваться так же, как зависимое в ИГ: генитивом, притяжательным прилагательным и т.д. В связи с этим исследователи задаются вопросом, насколько при номинализации сохраняется актантная структура исходного предиката (см., напр., Grimshaw 1991).

Известно, что актантная структура номинализованного предиката – а именно, переходность и семантическая роль его актантов – в ряде языков определяет выбор оформления актантов номинализации. Например, в русском языке (см. Падучева 1974, Падучева 1984), субъект при отглагольных именах может оформляться родительным или творительным падежом:

(9) *Шалапин исполняет арию* → *исполнение арии Шалапиным*

(10) *Я глубоко уважаю Петра Ивановича* → *мое уважение к Петру Ивановичу.*

То есть, если при отглагольных именах, образованных от переходных глаголов, выражены оба актанта, то оказывается релевантной семантическая роль субъекта и прямого дополнения. Если это агенс и пациенс, соответственно, то субъект оформляется творительным падежом, а прямое дополнение – родительным (9). Если же это экспериенцер и стимул, субъект кодируется генитивом, а прямое дополнение – предложением *к* и дательным падежом (10). В том случае, если при отглагольном имени выражен только один участник — субъект или только прямое дополнение (11), или если отглагольное имя образовано от одновалентного глагола (12), то этот единственный участник кодируется генитивом, ср.:

(11) *исполнение Шалапина, исполнение арии*

(12) *Отец приехал в Москву* → *приезд отца*

В результате, оформление актантов определяется переходностью номинализованного предиката, количеством выраженных актантов и их семантической ролью. Аналогичные свойства проявляют отглагольные имена в ряде европейских языков (см. Comrie 1976, Comrie and Thompson 1985, Koptjevskaja-Tamm 1993, Rozwadowska 1997). Исследователи объясняют это явление тем, что механизм кодирования актантов в номинализации более чувствителен к семантической роли актанта, чем в независимом предложении (Падучева 1984, Koptjevskaja-Tamm 1993).

В некоторой степени марийские и коми-зырянские конструкции обнаруживают аналогичные свойства. Действительно, в коми-зырянском при переходных глаголах допускается только одна стратегия оформления актантов:

(13) *matə-lən / *matə məs-sə liš't-əm...*
 мать-GEN1 мать(NOM) корова-ACC.POSS.3 доить-NZR
 ...(то, что/как) мать корову доит.

Т.е. субъект номинализации при переходном глаголе не может оформляться номинативом. В марийском нет такого жесткого запрета: субъект может оформляться номинативом даже при наличии выраженного прямого дополнения:

Марийский
 (14) [*mland-əm lum petər-me] окна gəč koj-eš.*
 земля-ACC снег(NOM) закрыть-NZR окно из виднеться-PRS.3SG

В окно видно, что снег покрыл землю.

Однако иногда носители запрещают подобные примеры:

- (15) *ava-že* [joča-n / *joča peledəš
 мать-POSS.3SG ребенок-GEN / *ребенок цветок
kürəšt-m-əm] onč-a.
 рвать-NZR-ACC смотреть-PRS.3SG

Мать смотрит, как ребенок рвет цветы.

Что касается непереходных глаголов, как в коми, так и в марийском они допускают и номинативное, и генитивное оформление (см. (a) и (b)).

- (16) a. [*vara pet'a den maša-n küršt-əm-əšt-əm]* šarn-əm.
 потом Петя с Маша-GEN танцевать-NZR-POSS.3PL-ACC помнить-PRS.1SG

Я помню, что потом [на вечеринке] Петя и Маша танцевали.

- b. *ava [ergə-že sajən tunem-mə-lan] kuan-a.*
 мать сын-POSS.3SG хорошо учиться-NZR-DAT радоваться-PRS.3SG

Мать рада, что ее сын хорошо учится.

Коми

- (17) a. *me romnit-ə [goš't-jas-liš' və-əm].*
 я помнить-NPST гость-PL-GEN2 приходить-NZR

Я помню, как [к нам] гости приходили.

- b. *me až'-a [kaga už'-əm].*
 я видеть-NPST ребенок спать-NZR

Я вижу, что ребенок спит.

Для обоих языков имеет значение семантическая роль субъекта номинализации. Сравним примеры (a) и (b) выше. В примерах (a) субъектом является агенс, и предпочтительно генитивное оформление, в примерах (b) — тема, и выбирается номинатив. Данная закономерность, однако, не является жестким запретом, например, в (5) субъект оформляется номинативом, несмотря на то, что является агенсом в ситуации 'петь'. Для того, чтобы проверить гипотезу о релевантности данного фактора, мы проанализировали ок. 1200 предложений марийского языка и ок. 300 предложений коми. При этом мы использовали инвентарь семантических ролей, предложенный в (Van Valin 1993).

Падеж субъекта	Агенс	Экспериенцер	Эффектор	Пациенс	Тема
генитив	88,05%	87,76%	81,40%	54,10%	61,98%
номинатив	11,95%	11,22%	18,60%	45,90%	38,02%

Таблица 1

Если сравнить первые три столбца, различие между конкретными семантическими ролями кажется незначительным, т.к. оно варьирует в пределах 5-6%. Более резкий контраст получается, если сравнить результаты по первым трем ролям (агенс, экспериенцер и эффектор) с результатами по семантическим ролям пациенса и темы. Это заставляет предположить, что релевантным фактором является не столько семантическая роль (как в русском и европейских языках), сколько противопоставление в терминах гиперролей: Агентив vs. Пациентив (см. Кибрик 2003). Тогда верно следующее: субъект с ролью Агентива чаще получает генитивное оформление, а субъект с гиперролью Пациентива — номинативное. См. табл.:

Падеж субъекта	Агентив	Пациентив
генитив	87,64%	68,35%
номинатив	12,36%	31,29%

Таблица 2

Аналогичные результаты получаются по номинализациям в коми-зырянском. (Для краткости мы опускаем результаты по отдельным семантическим ролям.)

Падеж субъекта	Агентив	Пациентив
генитив	94,36%	50%
номинатив	5,64%	50%

Таблица 3

3. Одушевленность субъекта номинализации

3.1. Как видно из таблицы 1, в марийском языке генитивом чаще оформляется субъект в роли экспериенцера, чем в роли эффектора. Чем может быть вызвано такое расхождение? Можно предположить, что это связано с таким фактором, как одушевленность субъекта: экспериенцер всегда одушевленный, в то время как эффектор — скорее неодушевленный объект, способный оказывать воздействие или служить причиной чего-либо.

Действительно, как показывает подсчет, одушевленный субъект в целом чаще выступает в генитиве. Носители часто запрещают оформление одушевленного субъекта номинативом (даже если глагол – неагентивный):

(18) аса-м [мэжэн / *мэж лүд-м-эм] огеš жöрате.
отец-POSS.1SG я-GEN я бояться-NZR-ACC NEG.PRS.3SG любить

Мой отец не любит, когда я трушу.

Неодушевленный субъект, наоборот, чаще кодируется номинативом, ср.:

(19) мэж [автобус тол-м-эм] вуш-ем.
я автобус придет-NZR-ACC ждать-PRS.1SG

Я жду, что автобус придет.

Подсчет частотности генитива/номинатива в номинализации показывает, что распределение генитива и номинатива не определяется собственно одушевленностью / неодушевленностью субъекта. Скорее, именные группы с разной вероятностью допускают номинативное / генитивное оформление, в зависимости от того, обозначают ли они людей, имена собственные, животных или неодушевленные объекты. Зависимость выбора оформления от типа ИГ может быть отражена в виде следующей шкалы:

Падеж субъекта	Личные местоимения, имена собственные >	обозначения людей (имена нарицательные) >	обозначения животных >	обозначения неодушевленных объектов
генитив	95%	93%	77%	43%
номинатив	5%	7%	23%	57%

Таблица 4

Такое распределение соответствует иерархии одушевленности, или иерархии Сильверстейна (Silverstein 1976). Генитив и номинатив по-разному распределяются на иерархии одушевленности: вероятность номинативного оформления возрастает по мере приближения к ее правому краю, вероятность генитивного оформления – к левому краю.

3.2. Аналогичная тенденция действует в коми-зырянском: номинатив чаще употребляется, если в позиции субъекта – неодушевленное имя или нарицательное обозначение животного, генитив – если субъект номинализации обозначает человека, ср.:

(20) ме аж'илл-и [ваš'a-liš' ivlati kot'ört-эм].
я видеть-PST Вася-GEN2 улица.по бежать-NZR

Я видел, как Вася бежал по улице.

(21) ме аж'-а [š'už' lebž'-эм].
я видеть-NPST сова лететь-NZR

Я видел, как сова летела.

Это подтверждается подсчетом частотности генитива/номинатива в номинализации в коми, ср.:

Падеж субъекта	Местоимения, имена собственные и обозначения людей	Обозначения животных	Обозначения неодушевленных объектов
генитив	91%	60%	36%
номинатив	9%	40%	64%

Таблица 5

3.3. Одушевленность и семантическая роль – факторы, которые, очевидно, не являются взаимонезависимыми. В частности, неодушевленный объект не может проявлять всех свойств агенса по Dowty 1991, например, не может совершать намеренное целенаправленное действие. Далее, если рассматривать данные текстов и специально подобранные примеры, большинство одушевленных ИГ в позиции подлежащего окажутся агенсом или экспериенцером, а большинство неодушевленных – темой или пациенсом. Тогда результаты, приведенные в таблицах в пп. 2 и 3, могут объясняться тем, что релевантным является только один из факторов (роль субъекта или одушевленность), а второй фактор действует лишь постольку, поскольку он обусловлен первым. Чтобы показать релевантность обоих факторов, рассмотрим их действие в сопоставлении. Для краткости мы не приводим все возможные варианты соответствий значений признаков одушевленности и семантической роли, а ограничиваемся лишь самыми основными значениями⁵. Рассмотрим распределение генитива и номинатива в марийском языке.

Глагол в номинализации	Семантическая роль субъекта ЗП	Одушевленность	Генитив, %	Номинатив, %
переходный	Агенс	обозначения человека	90,93	9,07
		обозначения животных	75,00	25,00
	Эффектор	неодушевленные	66,67	33,33
непереходный	Тема	обозначения человека	86,67	13,33
		обозначения животных	83,67	16,33
		неодушевленные	63,64	36,36
Общий итог			39,29	60,71
			81,99	17,58

Таблица 6

Сравним поведение неодушевленных ИГ с семантической ролью эффектора и темы. В первом случае мы имеем распределение генитива и номинатива приблизительно 67 на 33%, во втором случае – 39 и 61%. Т.е. если неодушевленный субъект является эффектором, он с большей вероятностью будет оформлен генитивом, чем номинативом. Если же неодушевленный субъект — тема, носители скорее выбирают номинатив.

Далее, рассмотрим все типы ИГ в контексте неагентивных глаголов. Как можно видеть из таблицы, выбор оформления зависит от типа ИГ: субъект, обозначающий человека, оформляется генитивом с частотой приблизительно 84%, для обозначений животных частота генитива — 64%, и для обозначений неодушевленных объектов — 39%. Соответственно, тип ИГ влияет на выбор оформления независимо от

⁵ Например, местоимения и имена собственные практически всегда оформляются генитивом, поэтому мы опустили эти данные в таблице; анализируя непереходные глаголы, мы приводим данные только для неагентивных и т.д.

семантической роли субъекта. Следовательно, можно заключить, что оба фактора играют роль в выборе оформления субъекта номинализации.

Аналогичная картина наблюдается в коми: при одном и том же значении признака одушевленности частотность генитива/номинатива зависит от семантической роли субъекта; наоборот, при одном и том же значении признака семантической роли наблюдается различие по одушевленности:

Тип ИГ	Обозначения людей		Неодушевленные
Падеж субъекта	Агентив	Пациентив	Пациентив
генитив	96,88%	75%	27,27%
номинатив	3,12%	25%	72,73%

Таблица 7

Для обозначений людей с ролью Агентива генитив используется в 96,88% случаев; с ролью Пациентива – в 75%. Соответственно, семантическая роль оказывается релевантной для выбора оформления, независимо от одушевленности субъекта.

Рассмотрим, как маркируется субъект номинализации с ролью Пациентива. При неодушевленных ИГ генитив был зафиксирован в 27,27% случаев, при обозначениях людей – в 75%. То есть, фактор одушевленности субъекта действует независимо от его семантической роли.

Следовательно, можно сделать вывод, что значение имеют оба рассматриваемых фактора, как для марийского, так и для коми-зырянского.

3.4. Влияние одушевленности субъекта номинализации на его оформление – явление, нередкое в языках мира. Сходным образом объясняют распределение показателя 's и предлога *by* для оформления субъекта при отглагольных именах в английском языке (см. Fraser 1970), распределение родительного падежа и нулевого родительного (совпадающего по форме с номинативом) в бурятском языке, ср.: «Субъектное имя, выражающее неодушевленный предмет... чаще оформляется нулевым родительным падежом» (Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 129):

(22) [Базар-ай ошо-һон-до] шамай гэмнэ-хэ-гүй
 Базар-GEN уйти-PART.PST-DAT ты.ACC вызывать.недовольство-INF-NEG
 юм гү?
 PTCL Q

Не пострадаешь ли ты из-за того, что ушел (в партизаны) Базар? (Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 144)

(23) [Хэдэн һара үнгэр-хэ-дэ], баһал һайн
 несколько месяц пройти-PART.FUT-DAT тоже хорошо
 наада-дааг боло-хо.
 играть- PART.PRS.HAB быть-PART.FUT

Когда пройдет несколько месяцев, (они) также будут хорошо играть.
 (Скрибник 1988: 29)

4. Референциальный статус

4.1. Как было показано в предыдущих разделах, выбор оформления субъекта номинализации в марийском и коми-зырянском в значительной степени определяется его одушевленностью и семантической ролью. Однако согласно данным подсчета, есть случаи, когда с одинаковой частотой появляется и генитив, и номинатив. Следовательно, одушевленность и семантическая роль субъекта – не единственные факторы, которые могут влиять на выбор оформления.

В марийском языке выбор генитива / номинатива может определяться референциальными свойствами субъекта номинализации. Рассмотрим следующие предложения:

- Марийский
- (24) а. [rvez-ən türvöč-m-əž-əm] kol'-əm.
 мальчик-GEN чихнуть-NZR-POSS.3SG-ACC слышать-PST.1SG
- б. [rveze türvöč-m-əm] kol'-əm.
 мальчик чихнуть-NZR-ACC слышать-PST.1SG

(а) Я слышал, что (этот) мальчик чихнул. (б) Я слышал, как кто-то из детей чихнул.

Формально примеры (24а) и (б) различаются лишь падежом субъекта (и, соответственно, наличием притяжательного показателя на номинализованном глаголе). При этом ИГ *rvezən* в (а) интерпретируется носителем, как конкретно-референтная, а *rveze* в (б) – как неопределенная. Данная тенденция подтверждается рядом примеров, однако не действует, как жесткий грамматический запрет. Например, как можно видеть из таблицы 4, личные местоимения могут выступать в номинативе, хотя они, очевидно, являются конкретно-референтными (см. тж. (25) ниже).

5. Дискурсивные свойства субъекта

Важно отметить, что факторы, рассмотренные в разделах 2-4, не вполне определяют выбор оформления субъекта номинализации. Дело в том, что даже если все признаки указывают на высокую вероятность генитива (номинатива), в конкретном случае может быть выбрано номинативное (генитивное) оформление. Например, рассмотрим следующие предложения:

- (25) južgunam [uʎ'ani kol-m-ələn]... počko lum lum-ən.
 иногда Ульяна умирать-NZR-DAT мокрый снег идти(о.снеге)-PST.3SG
 {ЛК: Все время лапти, валенок нет. Тогда [ноги] очень промокают. Холодно.}
 Иногда, после смерти Ульяны, мокрый снег шел...

В обоих случаях, субъект оформляется номинативом, несмотря на то, что занимает крайнюю левую позицию на иерархии одушевленности и обладает определенным референциальным статусом. Как объяснить такие примеры? Как представляется, выбор генитива/номинатива в марийском может определяться факторами дискурсивного порядка. Пример (25) звучит в контексте, где речь идет об условиях быта (см. левый контекст в переводе). В предтексте, значительно раньше (ок. 20 реплик), речь шла о смерти девушки по имени Ульяна. Однако в настоящий момент для говорящего важнее описать бытовые условия, а упоминание об Ульяне служит исключительно для временной отсылки: *после смерти Ульяны*.

Можно предположить, что выбор падежа субъекта номинализации в марийском служит для того, чтобы показать степень его дискурсивной выделенности. А именно, генитив выбирается, если данный участник является главным героем эпизода; в противном случае используется номинатив. Принимая такую точку зрения, можно было объяснить влияние всех предыдущих факторов: в большинстве случаев, главный герой эпизода – Агентив, одушевленный, и конкретно-референтный. Поэтому при анализе изолированных предложений носители выбирали для субъекта с такими свойствами генитив с большей вероятностью, чем номинатив. Наоборот, неодушевленные участники, с ролью Пациентива чаще всего не являются дискурсивно выделенными – в результате, для субъекта с такими свойствами чаще выбиралось номинативное оформление.

5. Заключение

В ряде языков номинализации допускают более одной стратегии оформления ядерных актантов. В финно-угорских языках различным образом может оформляться субъект номинализации: возможно генитивное или номинативное оформление. Как

было показано в настоящей работе, выбор оформления субъекта номинализации в марийском и коми-зырянском регулируется следующими факторами:

- переходность номинализованного предиката;
- семантическая роль субъекта;
- одушевленность субъекта;
- референциальный статус субъекта;
- дискурсивные свойства субъекта номинализации.

Как связаны между собой перечисленные факторы? Мы предполагаем, что ограничения на оформление субъекта номинализованного предиката связаны не с актантной структурой и не с его семантической ролью, а с его ролью в организации дискурса. Важно противопоставить референты, которые интерпретируются как центральные или релевантные участники дискурса, другим участникам. В результате, они получают особое оформление.

Список обозначений

PRS	настоящее время	INF	инфинитив	NOM	номинатив
PST	прошедшее время	NZR	номинализация	ACC	аккузатив
NPST	настоящее-будущее время	PART	причастие	GEN	генитив
1	первое лицо	NEG	отрицание	DAT	датель
2	второе лицо	DETR	понижающая актантная деривация	POSS	притяжательный суффикс
3	третье лицо	CAUS	каузатив	PTCL	частица
SG	единственное число	HAB	хабитуалис	[]	границы зависимой предикации
PL	множественное число				

Список литературы

1. Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б. 1962. *Грамматика бурятского языка. Синтаксис*. М.: «Изд-во восточной литературы».
2. Бубрих Д. В. 1949. *Грамматика литературного коми языка*. Ленинградский ордена Ленина университет им. А. А. Жданова, Ленинград.
3. Кибрик А. Е. 2003. *Константы и переменные языка*. СПб: «Алетейя».
4. Падучева Е. В. 1974. *О семантике синтаксиса*. М.: «Наука».
5. Падучева Е. В. 1984. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени // (В. П. Григорьев ред.) *Проблемы структурной лингвистики 1982*. М.: «Наука», стр. 50-66.
6. Сидоров А. С. *Порядок слов в предложении коми языка*. Сыктывкар: «Коми книжное издательство», 1953.
7. Скрибник Е. К. 1988. *Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке*. Сибирское отделение АН СССР, институт истории, филологии и философии. Новосибирск: «Наука».
8. СКЯ 1955. – *Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений*. Часть 1: *Фонетика, лексика, морфология*. / Под ред. В. И. Лыткина. 1955. Сыктывкар: «Коми книжное издательство».
9. Comrie B. 1976. The syntax of action nominals: a cross-linguistic study. In *Lingua*, 40, pp.177-201.

10. Comrie B. and Thompson, S.A. 1985. Lexical Nominalization. In Shopen T. ed. *Language typology and syntactic description*, v. 3: *Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge University Press, pp.349-398.
11. Dixon R. M. W. 1995. Complement Clauses and Complementation Strategies. In F. R. Palmer ed.. *Grammar and Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 175-221.
12. Dowty D. 1991. Thematic Proto-Roles and Argument Selection. In *Language*, v. 67, № 3, pp. 547-619.
13. Fraser B. 1970. Some remarks on the Action Nominalization in English. In Roderick A. Jacobs and Peter S. Rosenbaum eds. *Readings in English Transformational Grammar*. Washington: Georgetown University Press, pp. 83-99.
14. Grimshaw J. 1990. *Argument Structure*. Linguistic Inquiry Monograph 18. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
15. Kangasmaa-Minn E. 1970. Über die Nominalisierung des Satzes im Tscheremissischen. In *Symposion über Syntax der uralischen Sprachen (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen)*. Göttingen: Vandenhoeck and Kuprecht, pp. 118-130.
16. Koptjevskaja-Tamm M. 1993. *Nominalizations*. Theoretical Linguistic Series: London – New York.
17. Rozwadowska B. 1997. *Towards a Unified Theory of Nominalizations. External and Internal Eventualities*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
18. Silverstein M. 1976. Hierarchy of Features and Ergativity. In R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies Publications (Linguistic series, 22).
19. Van Valin R.D., J-r ed. 1993. *Advances in Role and Reference Grammar*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.